

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КОЧЕВНИКОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПОИСКИ РЕШЕНИЙ

Аннотация. Предпринята попытка анализа и синтеза различных, в том числе нестандартных, методологий. Обосновываются причины их использования в исследовании истории кочевых государств.

Ключевые слова: кочевые государства, методология, седентаризм, ориентализм, постколониализм, вождество (чифдом).

Ни в одной области исследований о восточноевропейских гуннах, он-уйгурах и булгарах не имеется такого сильного противоречия, как в изучении державы гуннов и её правопреемников [14, с. 237]. И если существование государства Великой Булгарии Кубрат-хана не отрицается [3, с. 339, 341, 343.], то о существовании общества восточноевропейских он-уйгуров в литературе не упоминается. Соблазн загнать гуннов и булгар в категорию социоэкономики был непреодолимым [14, с. 237]. Э. Томпсон, стремясь подтолкнуть вниз по лестнице эволюции гуннов, их родственников он-уйгуров, акациров и булгар, намеренно неправильно переводил тексты источников [15, с. 129]. Историки находили для гуннов и булгар место в непрямой эволюции социальных функций, начерченной Л. Морганом, которому следовал Ф. Энгельс. Гунны находились на стадии «варварства», их «общество» развилось в «военную демократию» [14, с. 237].

А. Бернштам считал, что молодая демократия гуннов играла прогрессивную роль. Он дал концепции прогресса гуннских племен оригинальный поворот, полагая, что гунны помогли разрушить рабовладельческие общества и Римскую империю, расчищая путь для прогрессивного феодализма [14, с. 239]. Книга А. Бернштама была изъята из обращения. J. Harmatta на основании источников пришел к выводу, что гуннское общество стало государством в 445 г. н. э. Он писал, что «непокорные» гунны всё ещё отказывались быть подогнанными под какую-то из стадий, позволенных Ф. Энгельсом, что гуннское государство «не имело своего ясного характера» [22, с. 277–304]. Поздними исследованиями [5; 9; 8; 18] была подвергнута ревизии теория материалистического понимания истории развития кочевых государств. Обобщение археологического материала, появление новых исследований на основе концепций М. Вебера и Т. Барфилда [6; 1] привели ученых к созданию новой теории образования и развития кочевых государств (сохранившей в себе элементы формационного подхода), в которой кочевым народам вновь было отказано в государственности [12; 19; 7; 4]. Исследуя эти обстоятельства и дискуссию о выборе методологии в изучении кочевых государств, можем утверждать, что причиной сложившегося положения является колониальное прошлое, доминирование которого включало в себя не только властные отношения, но и сферу знаний.

В исследовании кочевых государств остаётся характерным явление, описываемое в литературе как седентаризм, – когда вопросы теории, касающиеся государств кочевников, рассматривались в уподоблении к развитию оседлых народов, созданной оседлой (западной) цивилизации [2, с. 11]. Создание бинарных оппозиционных структур – путь нашего взгляда на других и на себя. Г. Гегель первым ввел понятие «Других» как составляющий компонент самосознания и самоосмысления. «Другие» («они») или «конструктивные Другие» всегда противопоставляются «Своим». К. Лоренс так описывает этот процесс: «То, что представляется культурными элементами – человеческое бытие, слова, значения, идеи, философские системы, социальные организации, – поддерживается в видимом согласии только через активный процесс исключения, оппозиции и иерархии. Другие явления и элементы должны быть представлены как чуждые или «другие», где собственные элементы находятся в привилегированном положении, а чуждые элементы обесцениваются» [20, с. 23]. Концепция «других», их непохожести является интегральной частью для осознания идентичностей. Такой взгляд приводит к разрушительным последствиям.

В научной среде интеллектуальный раздел между Западом и Востоком обозначен Э. Саидом как «стиль мысли», основанный на онтологическом и эпистемологическом различии «Востока» и «Запада». Ориентализм – это западный путь доминирования, управления на Востоке, его реструктурирования. «Знание – власть», – пишет Э. Саид, повторяя за Мишелем Фуко. Восток не существует сам по себе, всё его прошлое и настоящее «ориентализировано» ориентализмом. Э. Саид предупреждает, что русский ориентализм требует дальнейшего изучения, исключая немецкий ориентализм, имеющий «чистое» прошлое [16].

Вот где мы находим истоки возникновения формационной линейной истории, которая была принята российскими интеллектуалами, её ретрансляции и принятия ориентализма кочевыми народами. Став «частью» Запада или России и будучи введёнными в «историю» интеллектуально, колонизированные народы принимают условия Запада и соответствующее понимание «истории». Местные историки пытаются ввести свои этнические истории в рамки «истории» западной, или российской, в попытке доказать, что их развитие соответствовало или было не хуже модели развития, по которой шли Запад и Россия. Это явление больше связано с идеологией, чем с наукой, что отражает всё ещё сохраняющееся положение интеллектуальной зависимости Востока от Запада. Такой подход или методология к истории кочевых государств (вне пределов «истории»), занимавший «вторичное» либо подчиненное положение, никогда не будет эффективным, что хорошо подтверждается фразой Л. Смит: «Инструменты хозяина никогда не разрушат дом хозяина» [21, с. 94].

Основной психологической проблемой является вопрос государственности (точнее, её первичности) у той или иной стороны. В российской историографии бытует мнение о том, что государственность была привнесена в степь Россией, что национальные государства были созданы Россией в 1924 г. Однако источники и археологический материал дают устойчивую точку опоры для государственности кочевых народов Восточной Европы, и задолго до V – VII вв. степь вначале приносит государственность руссам (*Patria Onoguria*, империя Аттилы, Аварский каганат, *Magna Bulgaria*, Хазарский каганат), а затем объединяет раздробленную Русь (Золотая Орда). Но кочевые государства продолжают «не соответствовать» параметрам и понятиям государства, вновь установленным в литературе теорией и «выстроенным» на основе американской антропологии.

Проблемой в дискуссии о кочевом государстве является разница между «государством» как словом и как термином. В основу теории государства была положена точка зрения М. Вебера, которым заменили К. Маркса [6]. Новая методология позволяет отрицать наличие государства у кочевников-скотоводов, заменив его вождеством – «чифдом» [11, с. 11–61]. Проблема многих исследователей, связанная с «кочевой самоидентификацией», состоит в том, что они «принимают» основной тезис ориентализма, считая историческую линию развития человечества проходящей через Европу. Отсюда попытки соотносить теорию кочевого государства и социально-экономического развития с теориями развития оседлых государств, концепции которых предполагают наличие классов, институтов управления и монополии на применение легитимного насилия. Подобное смешение отношений можно усматривать, например, в работе С. Толыбекова [17, с. 75–83], или в анализе государств восточноевропейских болгар VII в. н. э., выразившемся в экстраполяции на него этнографического материала конца XIX в., или в применении кросс-культурных методик [3, с. 333–338]. Эти «попытки» подтверждают вывод Э. Саида: западная научная теория, построенная на основе образа «Востока для себя» («Запада»), превратилась в образ «Востока для собственно Востока».

Таким образом, дискуссии о выборе методологии в исследовании кочевых государств (образования и развития государственности) становятся одним из важнейших инструментов как в теоретических исследованиях, так и во взаимоотношениях историков стран Восточной Европы. Понять что-либо о кочевом обществе можно только исследуя сами эти общества и считая их особым вариантом общечеловеческого развития [13, с. 9]. В методологическую основу должны быть положены принципы и приемы исследований, учитывающие развитие у кочевых народов ранней государственности в самобытных и оригинальных формах, а также то, что кочевые государства как важный фактор общечеловеческой истории достойны самого пристального внимания как высокоорганизованные и своеобразные государства [13, с. 341].

ЛИТЕРАТУРА

1. Барфилд Т. Мир кочевников скотоводов. Кочевая альтернатива социальной эволюции / отв. ред.: Н. Крадин, Д. Бондаренко. М., 2002. С. 43–61.

2. Битикчи Э. Седентаризм в исследовании кочевников. URL: <http://www.mesoeurasia.org/archives/5346>.
3. Васютин С., Дашковский П. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. 400 с.
4. Васютин С., Пугачев А. О роли тюрко-болгар в формировании раннесредневековой болгарской государственности (проблемы отечественной историографии и реконструкции политарных процессов). *Медиевистика XXI века: проблемы методологии и преподавания* / ред. А. Мить и др. Кемерово, 2007. Вып. 3: Запад и Восток: власть, социум, ментальность, особенности исторического развития. С. 94–182.
5. Владимирцов Б. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 223 с.
6. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. 808 с.
7. Гринин Л. Раннее государство и его аналоги. Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред. Л. Гринина и др. Волгоград, 2006. С. 85–163.
8. Златкин И. Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность. *Современная историография стран зарубежного Востока: проблемы социально-политического развития*. М., 1971. С. 131–193.
9. Кешибеков А. Кочевое общество. Алма-Ата, 1984. 160 с.
10. Крадин Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992. 240 с.
11. Крадин Н. Вожество: современное состояние и проблемы изучения. Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 11–61.
12. Кычанов Е. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., РАН; Восточная литература, 1997. 318 с.
13. Кычанов Е. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб., 2010. 360 с.
14. Менхен-Хелфен О. Мир гуннов. Исследования их истории и культуры / пер. с англ. В. Мирзаянова. Принстон, 1973. Т. 1. 358 с.
15. Рафиков А., Бернштам А. Очерк истории гуннов. *Вопросы истории*. 1952. № 5. С. 126–131.
16. Саид Э. Ориентализм. Нью-Йорк, 2006. 636 с.
17. Толыбеков С. О патриархально-феодалных отношениях у кочевых народов. *Вопросы истории*. 1955. № 1. С. 75–83.
18. Федоров-Давыдов Г. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. 274 с.
19. Хазанов А. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе. *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / отв. ред.: Н. Крадин, Д. Бондаренко. М., 2002. С. 27–42.
20. Lawrence C. *From Modernism to Postmodernism: an anthology*. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1996. 90 p.
21. Smith L. *Imperialism. History: writing and theory*. Oxford: Blackwell, 2001. 180 p.
22. Harmatta J. *The Dissolution of the Hun Empire I*. AAASH. 1952. Т. 2. P. 277–304.

Е.Ш. Умеров. Методологічні основи дослідження державності кочовиків: проблеми та пошуки рішень. – Стаття.

Анотація. Зроблено спробу аналізу й синтезу різних, у тому числі нестандартних, методологій. Обґрунтовуються причини їх використання в дослідженні історії кочових держав.

Ключові слова: кочові держави, методологія, седентаризм, орієнталізм, постколоніалізм, вождівство (чіфдом).

E. Umerov. Methodological foundations of the study of the status of the nomads: problems and search for solutions. – Article.

Summary. An attempt was made to analyze and synthesize various, including non-standard methodologies. The reasons for their use in the study of the history of nomadic states are substantiated.

Key words: nomadic states, methodology, sedentaryism, orientalism, postcolonialism, chifdom.